

И.А. Фурманов, доктор психологических наук, профессор (Белорусский государственный университет)

АГРЕССИВНОСТЬ ОСУЖДЕННЫХ ЗА НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ПРЕДИКТОР НАСИЛЬСТВЕННЫХ АТТИТЮДОВ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

Делается попытка определения предикторов насильственных аттитюдов в отношении женщин у осужденных за преступления сексуального характера использованием шкалы аттитюдов к насилию в период свидания Е.Л. Прайса и Е.С. Байерса и опросника агрессивности А. Басса и М. Перри. Установлены и описаны корреляционные связи между оценками агрессивности как личностной черты (физическая агрессивность, вербальная агрессивность, гнев и враждебность) и аттитюдами к психологическому, физическому и сексуальному насилию в отношении женщин.

Ключевые слова: физическая агрессивность, вербальная агрессивность, гнев и враждебность, аттитюды к психологическому, физическому и сексуальному насилию.

Насилие в отношении женщин принимает различные формы и остается одной из насущных проблем современных социальных отношений. Оно может включать в себя психологическую, физическую и сексуальную агрессию. Как показывают многочисленные исследования, психологическая и физическая агрессия наиболее часто встречается в супружеских отношениях, а сексуальная агрессия – в романтических отношениях, в период знакомства или свиданий.

Примат проявления сексуальной агрессии в романтических отношениях, в период знакомства или свиданий обуславливается тем, что диадные отношения такого рода предполагают взаимодействие партнеров и продолжают до тех пор, пока хотя бы один из них не предпримет попытку прервать или разорвать эти отношения. Они могут быть как краткосрочными, так и долговременными и, как правило, характеризуются добровольностью, т. е. возникают на основании личного выбора. Еще одной важной характеристикой является аттракция, привлекательность партнера, которая часто может становиться причиной страсти, вызывать сексуальное возбуждение и мотивировать к сексуальной близости.

Исходя из этого романтические отношения, межличностное взаимодействие в период знакомства или свиданий с полным основанием можно причислить к разновидностям сексуального поведения. Сексуальное поведение – это, по сути, сексуальная активность, представляющая собой совокупность переживаний, установок и действий, обеспечивающих проявление человеческой сексуальности и удовлетворение целого ряда сопряженных со спариванием потребностей. В контексте межличностных отношений сексуальное поведение может реализовываться либо по обоюдному согласию, либо по принуждению. Принудительное сексуальное поведение, как правило, возникает в ситуации, воспринимаемой как фрустрация. Невозможность достичь желаемого способна привести к негативным эмоциям и попытке или изменению ситуации в соответствии с поставленной целью, или пересмотреть соответствующие намерения. Например, если мужчина, который ожидает, что женщина удовлетворит его половые потребности, получает отказ, он может попытаться достичь цели силой и проявить сексуальную агрессию [1]. Согласно аффективно-динамической теории агрессии фрустрация актуальных потребностей может приводить к возникновению психологической, физической и сексуальной агрессии в отношении фрустратора (партнера-жертвы).

Совершение преступления сексуального характера фактически представляет собой модель поведения, начинающегося с психологической и (или) физической агрессии и заканчивающегося сексуальной агрессией (изнасилованием, совершением насильственных действий сексуального характера вопреки воле жертвы).

Считается, что изнасилование включает в себя как сексуальные, так и агрессивные мотивы, но в большинстве случаев исследователи основное внимание уделяют одному мотиву при минимизации других. В частности, мотивы власти, контроля и доминирования нередко противопоставляются сексуальному мотиву. Например, активно поддерживается мнение о том, что изнасилование – это использование сексуальности для удовлетворения мотива власти и выражения гнева [2]. Дж.Л. Дарк [3] утверждал, что все сексуальные посягательства совершаются для того, чтобы удовлетворить желание преступника обладать властью и усилить его чувства. В противовес этому Р.А. Прентки и Р.А. Найт [4] настаивали на том, что стремление к власти и сексуальные факторы не отделены один от другого и накладываются друг на друга. В принципе, сексуальные факторы присущи всем преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы, и это, возможно, стало причиной того, что исследователи больше сосредоточивали свое внимание на других факторах, таких как власть и доминирование, чтобы отличить один вид изнасилования от другого [5].

В ряде исследований было обнаружено, что положительное восприятие мужчинами мифов об изнасиловании, враждебность к женщинам, одобрение традиционных гендерных ролей и гипермаскулинности связано с совершением сексуального насилия против женщин.

Большинство мифов об изнасиловании и установок, поддерживающих его, входят в одну из трех категорий: обвинение жертвы, освобождение преступника от ответственности за нападение, оправдание нападения [6–8]. Поддерживающие изнасилование установки – это установки и убеждения, которые оправдывают изнасилование и ситуации, связанные с ним. Они включают в себя враждебное отношение к жертвам изнасилования, ложные убеждения, касающиеся изнасилования, и ошибочное представление о жертве и преступнике, совершившем изнасилование [9].

Несколько эмпирических исследований выявили, что мужчины, обладающие более традиционными мужскими личностными чертами, чаще одобряют поддерживающие изнасилование установки, нежели мужчины, у которых данные черты выражены менее. В частности, исследование Б.Д. Локке и Дж.Р. Мэхэлика [10] установило наличие статистически значимой положительной связи между приверженностью нормам маскулинности и одобрением (совершением) сексуально агрессивных действий. В более позднем лонгитюдном исследовании Х.М. Зинзоу и М. Томпсона [11] было получено подтверждение этих результатов.

Ряд исследований позволил обнаружить связь между высокой враждебностью к женщинам и совершением сексуального насилия [7, 12–16]. Негативные установки к женщинам могут быть связаны с сексуально агрессивным поведением несколькими способами, среди которых убеждение в том, что женщины должны принуждаться к сексу, что мужчины имеют право требовать секса от женщины и что если бы женщины были более защищенными, то они были бы менее уязвимы для изнасилования.

Гипермаскулинность характеризуется частой демонстрацией физического насилия, наличием опасных и грубых сексуальных установок в отношении женщин. Традиционное гипермаскулинное поведение и установки часто рассматриваются как этиологические факторы в проявлении сексуальной агрессии и одобрении изнасилования. Например, отмечается положительная связь между сексуальным насилием и гипермаскулинностью [17]. Исследованием Д.Ж. Пэрро и А. Зейхнера установлено, что повышенные уровни гипермаскулинности у некоторых мужчин приводят к склонности проявлять физическую агрессию и придерживаться более опасных сексуально агрессивных установок (убеждений) [18]. Н.М. Маламут даже вводит понятие враждебной маскулинности, которая определяется как потребность управлять женщинами и доминировать над ними, соединенная с враждебностью и недоверием

к женщинам [19]. Исследования показали, что те мужчины, которые отличаются высоким уровнем враждебной маскулинности, вероятнее всего, совершат сексуальное насилие [20]. Метаанализ исследований, проводимых с целью изучения корреляции между различными измерениями маскулинной идеологии и сексуальной агрессии, показал, что и гипермаскулинность, и враждебная маскулинность умеренно связаны с сексуальной агрессией [21].

В настоящее время большинство исследований сосредоточены на социодемографических и культуральных переменных и призваны объяснить поддерживающие изнасилование установки (т. е. связанные с гендером, возрастом, образованием, религией, идеологией или отношением к гендерным ролям). Совсем немного исследований касаются роли агрессивной личности в объяснении поддерживающих изнасилование установок. Однако даже в них изучение взаимосвязи агрессивных черт личности и поддерживающих изнасилование установок является вторичной целью [9].

Несмотря на выявленную корреляцию между высоким уровнем враждебности к женщинам и совершением сексуального насилия, за рамками исследований осталось понимание психологической природы этой связи, а именно фасилитирующей роли агрессивности как личностной черты и насильственных установок в отношении женщин как предрасположенности к определенному социальному поведению в формировании враждебного отношения к женщинам в целом и готовности к совершению сексуального насилия в частности.

В этой связи нами проводилось исследование с целью определить различия в насильственных установках в отношении женщин между двумя когортами осужденных, а также степень детерминации агрессивности установок к совершению психологического, физического и сексуального насилия в отношении женщин. Было выдвинуто два предположения. Согласно первому из них преступники, совершившие сексуальное преступление, будут отличаться большей склонностью к сексуальному насилию в отношении женщин, а в соответствии со вторым, отталкивающимся от поведенческой структуры изнасилования, предикторами готовности к насилию станут физическая агрессивность и враждебность преступника.

Исследование проводилось среди осужденных мужчин ряда исправительных учреждений Республики Беларусь, которые были разделены на две когорты: лица, совершившие насильственные преступления сексуального характера ($n = 30$), и лица, совершившие ненасильственные преступления ($N = 60$).

В исследовании были использованы: шкала аттитудов к насилию в период свидания, разработанная Е.Л. Прайсом и Е.С. Байерсом, которая включает в себя три подшкалы для измерения аттитудов к психологическому (ПН), физическому (ФН), а также сексуальному насилию (СН) в отношении женщин;

опросник агрессивности А. Басса и М. Перри [12], четыре подшкалы которого оценивали физическую (ФА), вербальную агрессивность (ВА), гнев (Г), враждебность (ВР).

Для получения статистических данных рассчитывались среднее и стандартное отклонения, сравнение выборок осуществлялось с помощью расчета *t*-критерия Стьюдента, корреляционного анализа Пирсона, а также множественного регрессионного анализа с использованием пошагового метода (критерий Фишера (*F*), *t*-критерий Стьюдента, уровень их статистической значимости (*P*), коэффициент множественной корреляции (КМК) и коэффициент множественной детерминации (КМД)).

Сравнительный анализ показал, что осужденные за насильственные преступления сексуального характера и осужденные за ненасильственные преступления не различаются по своей готовности к проявлению психологического и физического насилия в отношении женщин (табл. 1). Вместе с тем было выявлено, что осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные преступления сексуального характера.

Таблица 1

Насильственные аттитуды осужденных в отношении женщин

Типы аттитудов	Осужденные				Уровень статистической значимости для двух когорт осужденных
	за насильственные преступления сексуального характера		за ненасильственные преступления		
	Среднее отклонение	Стандартное отклонение	Среднее отклонение	Стандартное отклонение	
Психологическое насилие	2,60	0,50	2,59	0,36	0,889
Физическое насилие	2,16	0,77	2,24	0,58	0,548
Сексуальное насилие	2,05	0,62	2,36	0,49	0,003

С одной стороны, полученные данные согласуются с результатами ранее проведенных исследований, согласно которым осужденные за сексуальное насилие в отношении женщин имеют ту же консервативность в отношении норм женского поведения, те же враждебные установки к женщинам и склонность к физическому и психологическому насилию, что и осужденные за преступления несексуального характера [22–25]. Многие исследователи феминистской направленности вообще утверждают, что нет существенной разницы между насильниками и нормальными мужчинами.

С другой стороны, данные о различиях в выраженности сексуальных насильственных аттитудов обследованных групп осужденных кажутся парадоксальными. Возможным объяснением этого факта является то, что осужденные за преступления сексуального характера действительно могли стать на путь исправления, осознать тяжесть совершенного ими проступка и пересмотреть свое отношение к женщинам. Также это может быть результатом эффекта социальной желательности. Хотя опрос проводился анонимно, опасение того, что правдивость ответов может стать препятствием, например, для смягчения приговора или досрочного освобождения, могло серьезно повлиять на искренность лиц, совершивших сексуальные преступления, и мотивировать их к тому, чтобы представить максимально позитивный образ себя и своих аттитудов в отношении сексуального насилия.

Вполне допустимо также то, что осужденные за сексуальные преступления испытывают раскаяние по отношению к своим жертвам, поэтому большая мягкость сексуальных насильственных аттитудов в отношении женщин может объясняться стремлением избавиться от чувства вины.

Кроме того, исследования показывают, что на снижение интенсивности тех или иных аттитудов может влиять использование психологических защит. Признать ответственность за действия, причиняющие вред женщине, трудно. В этой связи многие насильники отрицают свою причастность к совершенному преступлению [26], а также все аспекты выдвинутых против них обвинений, часто несмотря на неопровержимые доказательства обратного. Даже признавая свою причастность, такие преступники обычно заявляют, что действовали не так грубо и жестоко, как им приписывают. Они могут приуменьшать навязанность полового акта, свою ответственность за него, его принудительность и почти всегда пытаются списать случившееся на употребление алкоголя, семейные проблемы или стресс. Помимо использования механизмов отрицания, минимизации и рационализации насильники часто характеризуют личность жертвы с отрицательной стороны, что помогает им оправдывать

свое собственное поведение и вуалирует отказ от личной ответственности за совершенное преступление, признание которой часто воспринимается преступниками как признание своей слабости, уязвимости или личной вины [1].

Результаты корреляционного анализа позволили выявить различия в структурах взаимосвязей компонентов агрессивности и насильственных аттитюдов. Так, в структуре агрессивности осужденных за насильственные преступления сексуального характера ядерными являются когнитивный и эмоциональный компоненты (враждебность и гнев), а у осужденных за ненасильственные преступления – только эмоциональный (гнев) (табл. 2).

Таблица 2

Корреляция показателей агрессивности и насильственных аттитюдов у осужденных

Показатели		Осужденные за насильственные преступления сексуального характера						
		ФА	ВА	Г	ВР	ПН	ФН	СН
Осужденные за ненасильственные преступления	ФА	–	0,102	0,430	0,271	0,103	0,505	0,276
			0,437	0,001	0,036	0,433	0,000	0,033
	ВА	0,333	–	0,512	0,465	0,140	0,234	0,265
		0,009		0,000	0,000	0,287	0,072	0,041
	Г	0,719	0,482	–	0,305	0,109	0,399	0,452
		0,000	0,000		0,018	0,406	0,002	0,000
	ВР	0,246	0,176	0,496	–	0,473	0,466	0,443
		0,059	0,178	0,000		0,000	0,000	0,000
	ПН	0,016	–0,297	0,098	0,201	–	0,501	0,703
		0,901	0,021	0,458	0,123		0,000	0,000
	ФН	0,378	0,045	0,447	0,290	0,571	–	0,596
		0,003	0,734	0,000	0,025	0,000		0,000
	СН	0,360	0,140	0,356	0,333	0,423	0,536	–
		0,005	0,286	0,005	0,009	0,001	0,000	

Примечание. Первое число отражает корреляцию показателей, второе – уровень статистической значимости.

Полученные данные согласуются с результатами других исследований. В частности, было установлено, что мужчины с высоким уровнем

общей агрессивности отличаются более активным сексуально агрессивным поведением [27]. Кроме того, такие черты личности, как гнев и враждебность, положительно коррелировали с поддерживающими изнасилование установками, насилием в отношении интимного партнера, а враждебность и вербальная агрессия – с поддерживающими изнасилование установками и принятием мифов об изнасиловании [9, 28].

В структуре взаимосвязей насильственных аттитюдов существенных различий не наблюдается. Однако, с учетом силы и уровня значимости корреляций, обращает на себя внимание «связка» аттитюдов к психологическому и сексуальному насилию ($r = 0,703$) у осужденных за насильственные преступления сексуального характера и аттитюдов к психологическому и физическому насилию ($r = 0,571$) у осужденных за ненасильственные преступления.

Существенным является то, что взаимосвязь между аттитюдами к сексуальному насилию и аттитюдами к психологическому и физическому насилию сильнее выражена у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, чем у осужденных за ненасильственные преступления. Полученные данные отчасти согласуются с результатами целого ряда других исследований. В частности, существует некоторое эмпирическое подтверждение статистической связи между сексуальной и несексуальной агрессией, прогнозирующей общий риск проявления любого типа агрессии [29]. Также были получены доказательства совместного проявления сексуальной и психологической агрессии: психологическое насилие со стороны интимного партнера значимо коррелировало с одновременной или последующей физической (но не сексуальной) и (или) сексуальной агрессией [30].

В исследованиях Л. Уилсона и его коллег был выявлен ряд интересных закономерностей. Так, индивиды, имеющие более высокие показатели общей склонности к совершению любого агрессивного акта, отличаются повышенным риском проявления сексуальной агрессии. Сексуальная агрессия согласно данным исследований была умеренно связана с несексуальной агрессией и не отличалась в выборках преступников, совершивших изнасилование и иные насильственные действия сексуального характера, но была более тесно связана с психологической агрессией, чем физическая [31].

В проведенных исследованиях более тесная корреляция между аттитюдами к сексуальному насилию и аттитюдами к психологическому насилию у осужденных за насильственные преступления сексуального характера может свидетельствовать о более частом совместном проявлении сексуальной и психологической агрессии по сравнению с сексуаль-

ной и физической агрессией. Вероятно, психологическая агрессия играет важную роль в развитии и поддержании общей агрессивной динамики отношений с женщинами и, таким образом, создает условия, способствующие сексуальной агрессии. Совместное проявление психологической и сексуальной агрессии может также объясняться большей социальной приемлемостью психологической агрессии по сравнению с физической. Лица, проявляющие психологическую агрессию, могут чувствовать большую уверенность в себе из-за социальных факторов, таких как сексизм и снижение риска причинения физических травм жертве и, следовательно, уголовного преследования за совершенные действия.

Анализ регрессионных моделей позволил определить личностные агрессивные предикторы насильственных аттитюдов в рассматриваемых когортах осужденных (табл. 3, 4).

Таблица 3

Предикторы насильственных аттитюдов в отношении женщин у осужденных за насильственные преступления сексуального характера

Модель	<i>B</i>	Статистическая ошибка	Beta	<i>t</i>	<i>p</i> -уровень
<i>Психологическое насилие (КМК = 0,473, КМД = 0,224, F = 16,742, p < 0,0001)</i>					
Враждебность	0,178	0,043	0,473	4,092	0,000
<i>Физическое насилие (КМК = 0,610, КМД = 0,372, F = 16,889, p < 0,0001)</i>					
Физическая агрессия	0,340	0,091	0,408	3,745	0,000
Враждебность	0,207	0,063	0,356	3,265	0,002
<i>Сексуальное насилие (КМК = 0,541, КМД = 0,293, F = 11,801, p < 0,0001)</i>					
Гнев	0,241	0,080	0,353	3,021	0,004
Враждебность	0,150	0,056	0,316	2,704	0,009

Таблица 4

Предикторы насильственных аттитюдов в отношении женщин у осужденных за ненасильственные преступления

Модель	<i>B</i>	Статистическая ошибка	Beta	<i>t</i>	<i>p</i> -уровень
<i>Психологическое насилие (КМК = 0,302, КМД = 0,091, F = 5,832, p = 0,019)</i>					
Вербальная агрессия	-0,125	0,052	-0,302	-2,415	0,019
<i>Физическое насилие (КМК = 0,447, КМД = 0,200, F = 14,496, p < 0,0001)</i>					
Гнев	0,311	0,082	0,447	3,807	0,000
<i>Сексуальное насилие (КМК = 0,440, КМД = 0,194, F = 6,839, p = 0,002)</i>					
Физическая агрессия	0,147	0,061	0,296	2,415	0,019
Враждебность	0,113	0,053	0,260	2,122	0,038

Следует обратить внимание, что враждебность является устойчивой личностной чертой, которая прогнозирует насильственные аттитюды в отношении женщин у осужденных за насильственные преступления сексуального характера независимо от их типологической принадлежности.

Некоторые исследователи-феминисты часто приписывают насильникам чрезмерный уровень враждебности к женщинам. Отдельные исследования подтвердили это убеждение, доказав, что насилие в случаях изнасилования, часто чрезмерно, его степень больше, чем требуется, чтобы принудить жертву к подчинению.

Кроме того, враждебность является общим прогностическим показателем аттитюдов к сексуальному насилию как у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, так и у осужденных за ненасильственные преступления.

Высокая прогностичность гнева и враждебности в предсказании преступлений сексуального характера отчасти подтверждается результатами сходных исследований. Например, существует мнение, что сексуальное насилие, изнасилование часто являются выражением мужского гнева и враждебности против женщин или способом доминирования над женщинами и управления ими [32–33].

В результате проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы:

1. Осужденные за насильственные преступления сексуального характера и осужденные за ненасильственные преступления не различаются по своей готовности к проявлению психологического и физического насилия в отношении женщин. Осужденные за ненасильственные преступления имеют более сильные установки к сексуальному насилию, чем осужденные за насильственные преступления сексуального характера.

2. В структуре взаимосвязи черт агрессивности у осужденных за насильственные преступления сексуального характера ядерными являются когнитивный и эмоциональный компоненты (враждебность и гнев), а у осужденных за ненасильственные преступления – только эмоциональный (гнев).

3. В структуре взаимосвязей насильственных аттитюдов существенных различий не наблюдается: все аттитюды связаны друг с другом. Однако у осужденных за насильственные преступления сексуального характера наиболее тесно коррелируют аттитюды к психологическому и сексуальному насилию, а у осужденных за ненасильственные преступления – аттитюды к психологическому и физическому насилию.

4. Взаимосвязь между аттитюдами к сексуальному насилию и аттитюдами к психологическому и физическому насилию сильнее выражена

у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, чем у осужденных за ненасильственные преступления.

5. Враждебность является устойчивой личностной чертой, которая прогнозирует насильственные аттитюды в отношении женщин у осужденных за насильственные преступления сексуального характера независимо от их типологической принадлежности.

6. Враждебность является общим прогностическим показателем аттитюдов к сексуальному насилию как у осужденных за насильственные преступления сексуального характера, так и у осужденных за ненасильственные преступления.

Гипотеза нашего исследования в первой части не подтвердилась, а во второй – подтвердилась частично.

Результаты исследования могут быть использованы в консультативной и коррекционной работе с осужденными за насильственные преступления сексуального характера.

1. Ward, T. The Assessment of Rapists / T. Ward, S.M. Hudson, J. McCormack // *Behaviour Change*. – 1997. – Vol. 14, № 1. – P. 39–54.

2. Holmstrom, L. Sexual behaviour of assailants during reported rapes / L. Holmstrom, A. Burgess // *Arch. of Sex. Behaviour*. – 1980. – Vol. 9. – P. 427–439.

3. Darke, J.L. Sexual aggression: achieving power through humiliation / J.L. Darke // *Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories, and Treatment of the Offender* / ed.: W. Marshall, D.R. Laws, H.E. Barbaree. – N. Y. : Plenum Press, 1990. – P. 55–72.

4. Prentky, R.A. Identifying critical dimensions for discriminating among rapists / R.A. Prentky, R.A. Knight // *J. of Cons. and Clinical Psychology*. – 1991. – Vol. 59. – P. 643–661.

5. McCabe, M.P. Behavioural characteristics of rapists / M.P. McCabe, M. Wauchope // *J. of Sex. Aggression: An intern., interdisciplinary forum for research, theory and practice*. – 2005. – Vol. 11, № 3. – P. 235–247.

6. Moyano, N. Predictors of sexual aggression in adolescents: Gender dominance vs. rape supportive attitudes / N. Moyano, F.S. Monge, J.C. Sierra // *The European J. of Psychology Applied to Legal Context*. – 2017. – Vol. 9, № 1. – P. 25–32.

7. DeGue, S. Are all perpetrators alike? Comparing risk factors for sexual coercion and aggression / S. DeGue, D. DeLillo, M. Scalora // *Sex. Abuse: A J. of Research and Treatment*. – 2010. – Vol. 22. – P. 402–426.

8. Absolute recidivism rates predicted by static-99r and static-2002R sex offender risk assessment tools vary across samples: A meta-analysis / L. Helmus [et al.] // *Criminal Justice and Behavior*. – 2012. – Vol. 39. – P. 1148–1171.

9. Factors associated with rape-supportive attitudes: sociodemographic variables, aggressive personality, and sexist attitudes / J.C. Sierra [et al.] // *The Spanish J. of Psychology*. – 2010. – Vol. 13, № 1. – P. 202–209.

10. Locke, B.D. Examining masculinity norms, problem drinking and athletic involvement as predictors of sexual aggression in college men / B.D. Locke, J.R. Mahalik // *J. of Counselling Psychology*. – 2005. – Vol. 52, № 3. – P. 279–283.

11. Zinzow, H.M. A longitudinal study of risk factors for repeated sexual coercion and assault in U.S. College men / H.M. Zinzow, M. Thompson // *Arch. of Sex. Behaviour*. – 2015. – Vol. 44. – P. 213–222.

12. Abbey, A. A Longitudinal Examination of Male College Students' Perpetration of Sexual Assault / A. Abbey, P. McAuslan // *J. of Consulting and Clinical Psychology*. – 2004. – Vol. 72, № 5. – P. 747–756.

13. Carr, J.L. Risk Factors for Male Sexual Aggression on College Campuses / J.L. Carr, K.M. VanDeusen // *J. of Family Violence*. – 2004. – Vol. 19, № 5. – P. 279–289.

14. Forbes, G.B. First- and Second-Generation Measures of Sexism, Rape Myths and Related Beliefs, and Hostility Toward Women: Their Interrelationships and Association with College Students' Experiences with Dating Aggression and Sexual Coercion / G.B. Forbes, L.E. Adams-Curtis, K.B. White // *Violence Against Women*. – 2004. – Vol. 10, № 3. – P. 236–261.

15. A Prospective Analysis of Sexual Assault Perpetration: Risk Factors Related to Perpetrator Characteristics / C. Loh [et al.] // *J. of Interpersonal Violence*. – 2005. – Vol. 20, № 10. – P. 1325–1348.

16. Vega, V. Predicting Sexual Aggression: The Role of Pornography in the Context of General and Specific Risk Factors / V. Vega, N.M. Malamuth // *Aggressive Behavior*. – 2007. – Vol. 33, № 2. – P. 104–117.

17. Obierefu, P.O. Masculinity as Predictor of Rape Supportive Attitude: Role of Hypermasculinity, Sexual Identity, Dominance And Aggression, Conservative Masculinity, and Devaluation of Emotion / P.O. Obierefu, O. Ojedokun. – London, 2017. – 25 p.

18. Parrott, D.J. Effects of Hypermasculinity on Physical Aggression Against Women / D.J. Parrott, A. Zeichner // *Psychology of Men and Masculinity*. – 2003. – Vol. 4, № 1. – P. 70–78.

19. Malamuth, N.M. Characteristics of Aggressors Against Women: Testing a Model Using a National Sample of College Students / N.M. Malamuth [et al.] // *J. of Consulting and Clinical Psychology*. – 1991. – Vol. 59, № 5. – P. 670–681.

20. Greene, P.L. Latent Profiles of Risk Among a Community Sample of Men: Implications for Sexual Aggression / P.L. Greene, K.C. Davis // *J. of Interpersonal Violence*. – 2011. – Vol. 26, № 7. – P. 1463–1477.

21. Murnen, S.K. If 'Boys Will Be Boys', Then Girls Will Be Victims? A Meta-Analytic Review of the Research That Relates Masculine Ideology to Sexual Aggression / S.K. Murnen, C. Wright, G. Kaluzny // *Sex. Roles*. – 2002. – Vol. 46, № 11/12. – P. 359–375.

22. Cunha, O. Intimate partner violence offenders: Generating a data-based typology of batterers and implications for treatment / O. Cunha, R.A. Gongalves // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. – 2013. – Vol. 5. – P. 131–139.

23. Epps, K.J. Attitudes Toward Women and Rape Among Male Adolescents Convicted of Sexual Versus Nonsexual Crimes / K.J. Epps, R. Haworth, T. Swaffer // *The J. of Psychology*. – 1993. – Vol. 127, № 5. – P. 501–506.

24. Marolla, J. Attitudes toward women, violence, and rape: A comparison of convicted rapists and other felons / J. Marolla, D. Scully // *Deviant Behavior*. – 1986. – Vol. 7, № 4. – P. 337–355.

25. Dating violence compared to other types of violence: similar offenders but different victims / A.K. Sjödin [et al.] // The European J. of Psychology Applied to Legal Context. – 2017. – Vol. 9. – P. 83–91.

26. Maletzky, B. Denial of treatment or treatment of denial? / B. Maletzky // Sex. Abuse: A J. of Research and Treatment. – 1996. – Vol. 8. – P. 1–5.

27. Bhogal, M.S. The Influence of Aggressiveness on Rape-Myth Acceptance among University Students, Psychiatry / M.S. Bhogal, S. Corbett // Psychology and Law. – 2016. – Vol. 23, № 5. – P. 709–715.

28. Birkley, E.L. Anger, hostility, internalizing negative emotions, and intimate partner violence perpetration: A meta-analytic review / E.L. Birkley, C.I. Eckhardt // Clinical Psychology Rev. – 2015. – Vol. 37. – P. 40–56.

29. The causes of rape: Understanding individual differences in male propensity for sexual aggression / M. Lalumiere [et al.]. – Washington, DC : American Psychological Assoc., 2005. – 294 p.

30. Gidycz, C.A. Predictors of perpetration of verbal, physical, and sexual violence: A prospective analysis of college men / C.A. Gidycz, J.B. Warkentin, L.M. Orchowski // Psychology of Men and Masculinity. – 2007. – Vol. 8. – P. 79–94.

31. How is sexual aggression related to nonsexual aggression? A meta-analytic review / L. Wilson [et al.] // Aggression and Violent Behavior. – 2015. – Vol. 24. – P. 199–213.

32. Alder, C. The Convicted Rapist: A Sexual or a Violent Offender? / C. Alder // Criminal Justice and Behavior. – 1984. – Vol. 11, № 2. – P. 157–177.

33. A Review of the Literature on Sexual Assault Perpetrator Characteristics and Behaviors. / S.M. Greathouse [et al.]. – Santa Monica, 2015. – 96 p.

Поступила: 10.07.2020

I.A. Fourmanov, Doctor of Psychological Sciences, Professor (Belarusian State University)

TRAIT AGGRESSION OF CONVICTED OFFENDERS WITH DIFFERENT TYPES OF CRIMES AS A PREDICTOR OF VIOLENT ATTITUDES TOWARDS WOMEN

The article is devoted to the definition of predictors of violent attitudes towards women in sexual offenders. The Attitudes Towards Dating Violence Scales by E.L. Price, E.S. Byers, and the Aggression Questionnaire by A.H. Buss and M. Perry, were used. Correlations between assessments of trait aggression (physical aggression, verbal aggression, anger and hostility) and attitudes towards psychological, physical and sexual violence against women are established and described.

Keywords: physical aggression, verbal aggression, anger and hostility, attitudes towards psychological, physical, sexual violence.

Раздел II ЮРИДИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА

УДК 372.834

И.Н. Главницкая (Белорусский национальный технический университет)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Рассматриваются проблемы использования интерактивных методов обучения в преподавании юридических дисциплин, различные подходы к понятию интерактивных методов обучения, их научная классификация и отличительные особенности. Анализируется применение в педагогической практике таких интерактивных методов обучения, как метод мозгового штурма, ролевая игра, дискуссия, круглый стол, техника аквариума, дебаты, кейс-метод, метод «Заверши фразу» и др.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, использование, преподавание, юридические дисциплины, образовательный процесс, метод мозгового штурма, ролевая игра, дискуссия, круглый стол, техника аквариума, дебаты, кейс-метод, метод «Заверши фразу».

В условиях инновационного развития общества встает проблема подготовки высококвалифицированных специалистов с использованием современных образовательных технологий. Важное место в ее решении занимает широкое внедрение в образовательный процесс интерактивных методов обучения.

По определению «Педагогического энциклопедического словаря» под редакцией Б.М. Бим-Бада интерактивное обучение – это «обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебным окружением, учебной средой, которая служит областью осваиваемого опыта. Учащийся становится полноправным участником учебного процесса, его опыт служит основным источником учебного познания. Педагог не дает готовых знаний, но побуждает участников к самостоятельному поиску» [1, с. 103].

Н.И. Суворова, характеризуя интерактивное обучение, рекомендует признать его «специальной формой организации познавательной деятельности, имеющей конкретные и прогнозируемые цели». Одну из таких целей она видит в создании комфортных условий обучения, при которых обучающийся чувствует свою успешность, свою интеллек-